

Грешная сила «ЦАРЬ» ПАВЛА ЛУНГИНА Андрей Плахов

ИТАР-ТАСС

ИЗ ВСЕХ русских царей отечественный кинематограф, верный заветам гуманизма, больше всего неравнодушен к фигуре Ивана IV и каждый раз приспособливает ее к мифологии эпохи. В 1944 году Сергей Эйзенштейн выпустил по заказу вождя первую серию своего «Ивана Грозного», призванного прославить сталинскую власть. Но во второй серии режиссер отошел от заказа и гениально показал деградацию тирании, за что картина надолго легла на полку. В 1973 году, в разгар брежневской стагнации, Леонид Гайдай делает грозного царя героем ко-

медии «Иван Васильевич меняет профессию». А 1991-й, год распада СССР, порождает сразу две ленты об Иване Грозном, одна из которых («Кремлевские тайны шестнадцатого века» Бориса Бланка) показывает царя как извращенца и декадента. 2009 годом датированы фильм Павла Лунгина и телесериал Андрея Эшпая. А за год до того в телепроекте «Имя России» Иван Грозный занял десятое место в рейтинге, уступив из российских самодержцев только Петру I и отодвинув Екатерину II и Александра II. Лунгин снял по сценарию Алексея Иванова кинодиспут

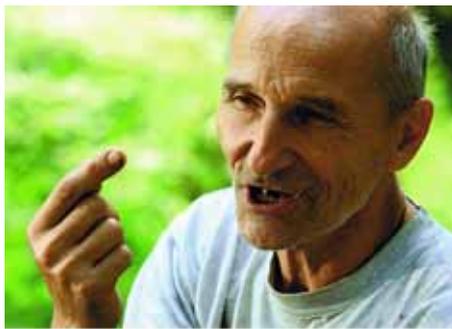
о двоевластии, об отношениях между государством и церковью. Новая киноверсия судьбы, личности и исторической роли Иоанна IV балансирует в жанровом спектре между постановочным эпосом и камерной драмой. От первого разработанные, хотя и грубоватые костюмные массовки и особенно изобретательные сцены казней и пыток. Эффект крепкой режиссуры усиливает интеллигентная и в то же время сочная операторская работа Тома Стерна, снимавшего фильм Клинта Иствуда. Закреплению эффекта должна содействовать написанная «под Прокофьева» и «под Мусоргского» музыка Юрия Красавина, хотя своей монотонной чрезмерностью она скорее утомляет.

Но в конечном счете эпос сдает свои позиции под натиском камерной драмы. В центре фильма дуэт-поединок царя (Петр Мамонов) и митрополита (Олег Янковский в своей последней кинороли). Это не только пир актерского мастерства, но и квинтэссенция темы фильма: духовный человек против бездуховности и бесчеловечности власти. Главный вопрос: расское ли это дело — миловать и прощать или только выжигать все живое каленым железом во славу укрепления государства? Особенно когда вокруг сплошные враги (чего стоит хотя бы коварная Польша) и страна с трудом поднимается с колен.

То, что диссидентом, рискнувшим сказать деспоту «нет», оказался представитель церкви, можно, конечно, считать идеализацией православия в духе нашего времени. С другой стороны, злополучный царь собственноручно уничтожил игумена Псковско-Печерского монастыря Корнилия. А скольких священнослужителей «отделали» (профтермин опричников, предшественник современных «зачисток») по подозрению в измене и других грехах, историки сбиваются со счета. Но «Царь» — не столько исторический фильм, сколько все же драма греха и духовного подвига. В «Острове» Павел Лунгин свел их в одном персонаже, в «Царе» — развел на двоих.

Петр Мамонов: в моем сердце нет русского царя

Я НЕ СТАВИЛ своей задачей (и режиссер передо мной такой задачи не ставил) сыграть русского царя. Потому что это задача для меня, ничтожного, невыполнимая. Я играю только то, что я знаю. Я не профессиональный актер. Я не умею как Олег Иванович: раз — и стал святым. Я всегда играю то, что у меня и так есть в душе. Ведь как сказал Александр Мень? «Художники, не бойтесь, никакого греха в том, что вы делаете, нет. То, что случилось в вашем произведении, произошло у вас в сердце». Так что весь этот Станиславский — это еще очень большой вопрос. В моем

ДМИТРИЙ ЛЕКАЙ

сердце, конечно, нет русского царя, но в моем сердце есть «Осенний марафон». То есть это когда я сейчас такой умный с вами разговариваю, а вечером опять пьяный лежу. Колбасит меня. Так и Грозного колбасило. Просто масштабы другие. А он жутко талантливый был, жуткий умница, но его трясло и молотило по-всякому. Он всюду хотел быть верхним. В молитве, например. И, главное, хотел, чтобы его больше всех любили. Он ведь войско целое создал, специальное, чтобы его любили. Он даже так хотел, чтобы его любили, что иногда сам Бога забывал любить. А ведь

как сказал блаженный Августин? «Люби Бога и делай что хочешь». Вот и вся установка. Вот, например, вся жизнь моя теперь — почему мне удается то кайфа убежать? Потому что мне там скучно. Я лежу обкуренный или пьяный, а мне там скучно. Ну что, опять музон, опять друзья, перетираем опять все то же самое. Мне скучно — я хочу туда, где круто. Я хочу быть крутым самым. А царем самым — это с Богом. А фильм-то вообще не об Иване Грозном. Название «Царь» я расшифровываю как «Христос — царь мира». Герой там — не Иван, а Филипп.

Ведь вот наша нация, наша страна пребывает в поисках национальной русской идеи, правда? И Ельцин петушился на этот счет, и нынешние петушатся. Так какая же наша русская национальная идея? Святошь — вот наша русская национальная идея. И не надо этого слова бояться. Святошь — это нормальность, это норма жизни, а грех — это от ненормальности. Фильм «Царь» — это картина о русской святости, а не об Иване Грозном. Митрополит ведь — святой человек. Он ни в ком не видит плохого, как Сеерафим Саровский всех встречал: «Здравствуй, радость моя!» Что он,

врал или словоблудил? Нет, человек — икона Божья, образ Божий. Вот как надо относиться. И митрополит Филипп так относился. Вот об этом кино. Если у нас это вышло. А если нет — значит, мы промахнулись. После первого просмотра я вышел из зала расстроенный. Я был расстроен своей ролью — я не увидел на экране образа русского царя. А потом подумал — и слава Богу. Иначе был бы это второй «Остров». И заслонил бы я митрополита и сгоревших мальчиков в церкви. И что было бы? Был бы Петя Мамонов опять. **Беседовала Анна Наринская**